

Троцкий Лев Давидович

Наша революция

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34   **Лев Давидович Т.**
Наша революция / Троцкий Лев Давидович – М.: Книга по Требованию, 2022. –
306 с.

ISBN 978-5-519-77478-9

ISBN 978-5-519-77478-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Статьи этой книги писались въ разные моменты двухъ послѣднихъ лѣтъ и по разнымъ поводамъ. Что ихъ объединяетъ, такъ это единство революціонной эпохи и политической точки зрѣнія. Именно это даетъ имъ, на нашъ взглядъ, нѣкоторое право появиться въ видѣ книги.

„Весна“, первая статья сборника, пытается возстановить основные моменты эпохи Святополка - Мирскаго, которую можно было бы назвать дѣтствомъ, еслибъ не слѣдовало назвать ребячествомъ русской оппозиціи. Сталъ ли либерализмъ съ того времени умнѣе? Мы затрудняемся отвѣтомъ; во всякомъ случаѣ, онъ сталъ старше.

„До 9-го января“ представляетъ собою перепечатку брошюры, изданной около 2 лѣтъ тому назадъ въ Женевѣ. Первая часть брошюры даетъ анализъ программы и тактики оппозиціонныхъ земцевъ и демократической интеллигенціи; многое изъ того, что здѣсь сказано, звучитъ теперь трюизмомъ. Но по существу наша критика кадетской Думы покоится на тѣхъ же началахъ, что и критика перваго земскаго совѣщанія въ Москвѣ. Намъ приходится повторять свои обличенія съ тѣмъ же упорствомъ, съ какимъ либерализмъ повторяетъ свои ошибки. Если наша критика не убѣждаетъ и не исправляетъ либераловъ, то она научаетъ кого-то третьяго не вѣрить имъ.

„Обострившееся недовольство, не находящее выхода,— писали мы по поводу земскаго съѣзда и ноябрьскихъ банкетовъ 1904 г.,—обезкураженное неизбѣжнымъ неуспѣхомъ легальной земской кампаніи, опирающейся на безплотное „общественное мнѣніе“, безъ традицій революціонной борьбы въ прошломъ, безъ ясныхъ перспективъ въ будущемъ,—это общественное недовольство можетъ вылиться въ отчаянный пароксизмъ террора, при полной сочувственнаго безсилія пассивности демократической интеллигенціи, при двусмысленной поддержкѣ задыхающихся отъ платоническаго энтузіазма либераловъ“ (стр. 56). Выходъ изъ этого положенія, утверждали мы, можетъ создать только революціонный пролетаріатъ.

Mutatis mutandis этотъ анализъ и этотъ прогнозъ приходится повторить по отношенію къ настоящему моменту...

Заключительная часть названной брошюры останавливается на задачахъ, выдвинутыхъ январскими событіями въ Петербургѣ. Читатель самъ увидитъ, что изъ сказаннаго нами по этому поводу устарѣло. Мы же хотимъ здѣсь мимоходомъ сказать лишь нѣсколько словъ объ одной изъ самыхъ странныхъ историческихъ фигуръ, о Георгіи Гапонѣ, такъ неожиданно поднявшемся на гребнѣ январскихъ событій.

Либеральное общество долго вѣрило, что въ личности Гапона скрывалась вся тайна 9-го января. Его противопоставляли социалдемократіи, какъ политическаго вождя, который знаетъ секретъ обладанія массой. Новое выступленіе пролетаріата связывали съ личностью Гапона. Мы не раздѣляли этихъ ожиданій. „Второму Гапону нѣтъ мѣста, писали мы, ибо то, что теперь нужно, это не иллюзіи, а ясное революціонное сознаніе, отчетливый планъ дѣйствій, гибкая революціонная организація“. (Стр. 72). Такой организаціей явился въ послѣдствіи Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

Но если мы отводили политической роли Гапона совершенно подчиненное мѣсто, то мы, несомнѣнно, переоцѣнивали его личность. Въ ореолѣ пастырскаго гнѣва съ пасторскими проклятіями на устахъ онъ представлялся изъ-дали фигурой почти библейскаго стиля. Казалось, могучія революціонныя страсти проснулись въ груди молодого священника петербургской пересыльной тюрьмы. И что же? Когда догорѣли огни, Гапонъ предсталъ предъ всѣми полнымъ политическимъ и нравственнымъ ничтожествомъ.

Его позированье предъ социалистической Европой, его безпощадно „революціонныя“ писанія изъ-за границы, наивныя и грубыя, его пріѣздъ въ Россію, конспиративныя сношенія съ правительствомъ, сребренники гр. Витте, претенціозныя и нелѣпыя бесѣды съ сотрудниками консервативныхъ газетъ, шумливость и хвастливость—все это окончательно убило представленіе о Гапонѣ 9-го января. Намъ невольно вспоминаются пронизательныя слова т. Виктора Адлера, вождя австрійской социалдемократіи, который послѣ полученія первой телеграммы о прибытіи Гапона за-границу сказалъ: „Жаль... Для его исторической памяти было бы лучше, еслибы онъ такъ же таинственно исчезъ, какъ появился. Осталось бы красивое романтическое преданіе о священникѣ, который открылъ шлюзы русской революціи... Есть люди, прибавилъ онъ съ той тонкой ироніей, которая такъ характерна для этого замѣчательнаго человѣка,—есть люди, которыхъ лучше имѣть мучениками, чѣмъ товарищами по партіи...“

Статья „Капиталъ въ оппозиціи“ останавливается на либеральномъ перерожденіи торгово-промышленной буржуазіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ январскихъ стачекъ пролетаріата.

Оппозиціонный періодъ въ политической эволюціи крупной буржуазіи длился, однако, крайне недолго: въ сущности съ января по октябрь 1905 г. Октябрьская стачка стоитъ межъ двухъ эпохъ въ политическомъ самоопредѣленіи капитала.

Послѣ изданія „конституціоннаго“ манифеста совѣщательная контора желѣзнодорожниковъ, которую намъ часто приходилось цитировать въ названной статьѣ, обратилась къ графу Витте съ докладной запиской, представляющей собою своего рода лебединую пѣснь капиталистическаго либерализма.

„Обозрѣвая минувшій революціонный періодъ, говоритъ записка, совѣщательная контора желѣзнодорожниковъ съ особеннымъ удовольствіемъ должна констатировать фактъ, что со стороны борцовъ за свободу и счастье русскаго народа проявленіе насилій было крайне ограничено, и что масса народа дѣйствовала съ соблюденіемъ неслыханной дисциплины... Совѣщательная контора желѣзнодорожниковъ, читаемъ мы далѣе, далеко не поклонница всеобщаго избирательнаго права въ теоріи... Однако, рабочее движеніе показало совѣщательной конторѣ желѣзнодорожниковъ, что рабочій классъ, проявившій съ такой силой свое политическое сознаніе и свою партійную дисциплину, долженъ принять участіе въ народномъ самоуправленіи...“

Дисциплина рабочихъ массъ и ихъ энергія въ борьбѣ „за свободу и счастье русскаго народа“ чрезвычайно возросли въ теченіе октября и ноября; вмѣстѣ съ тѣмъ возросло давленіе пролетаріата на капиталъ. Созданіе рабочихъ Совѣтовъ, ихъ властное вмѣшательство въ столкновенія рабочихъ съ предпринимателями, ноябрьская стачка, борьба за восьмичасовой рабочій день—все это выбило у организованнаго капитала либеральную „дурь“ изъ головы и заставило его искать союза со старой властью во что бы то ни стало. Изъ оппозиціи капиталъ перешелъ въ контръ-революцію. Причины политическаго ничтожества русской торгово-промышленной буржуазіи разсмотрѣны въ заключительной статьѣ сборника „Итоги и перспективы“. Такъ какъ передъ читателемъ—не послѣдовательная исторія политическаго развитія за послѣдніе два года, но лишь сборникъ статей, вызванныхъ отдѣльными событіями и вопросами революціи, то въ книгѣ естественно встрѣчаются большіе пробѣлы и—что можетъ быть еще болѣе досадно—значительныя повторенія... Почти совершенно внѣ поля нашего

зрѣнія остались мобилизація контръ-революціи, крестьянство и аграрный вопросъ, политика правительства. Изъ области этой послѣдней сборникъ, не считая „Весны“, включаетъ въ себѣ лишь одну статью, посвященную работамъ Совѣта министровъ по созданію „Положенія“ 6 августа („Какъ дѣлали Государственную Думу“).

Написанное въ августѣ прошлаго года „Письмо“ къ пр. Милюкову рѣшительно высказывается за бойкотъ булыгинской Думы. Правильно ли поставленъ вопросъ въ этомъ „Письмѣ“? Мы и сейчасъ думаемъ, что правильно. Но отвѣтъ, который мы давали, никоимъ образомъ не имѣлъ общаго характера — т.-е. не могъ быть непосредственно примѣненъ ко всякому представительному собранію, не полномочному или не основанному на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Только безнадежный политическій формализмъ могъ бы подсказать такое рѣшеніе. Оставаясь на точкѣ зрѣнія „Письма“ къ г. Милюкову, мы полагаемъ, что революціонныя партіи не должны были бойкотировать выборы на началахъ системы 11 декабря. Что же отличаетъ въ нашихъ глазахъ Думу Витте отъ Думы Булыгина? Избирательное право, которое получилъ значительный слой пролетаріата. Передъ этимъ фактомъ отступаетъ на задній планъ вопросъ о размѣрѣ правъ или о степени безправія народнаго представительства.

Конечно, для народа вовсе не безразлично, насколько властенъ парламентъ, явившійся въ итогъ революціоннаго соразмѣренія социальныхъ силъ. Но когда революція идетъ еще въ гору, когда она еще не раскрыла всей своей энергіи, тогда народное представительство можетъ получить значеніе, совершенно независимое отъ предопредѣленныхъ ему правъ, смотря по тому, въ какіе классы оно вноситъ организацію и на какія силы можетъ опереться въ предстоящей борьбѣ со старой властью. Мы здѣсь снова и снова сталкиваемся съ вопросомъ силы и права, — и для того, чтобы не ссылаться на Лассалю, мы приведемъ любопытное свидѣтельство Радищева. „Можетъ ли существовать право, говорить о немъ, размышляя надъ судьбой древняго Новгорода, когда, нѣтъ силы на приведеніе его въ дѣйствительность... Примѣры всѣхъ временъ свидѣтельствуютъ, что право безъ силы было всегда въ исполненіи почитаемо, пустымъ словомъ“. Но сила безъ права все же остается силой. Бойкотировать выборы въ національное собраніе только потому, что ему заранѣе отказано во власти, значило бы, подобно либерализму, ставить право выше силы. Учрежденіе можетъ быть архаическимъ, безправнымъ, какимъ угодно; но если его беретъ

въ руки революціонная сила, оно можетъ превратиться въ могучій рычагъ для завоеванія права.

Наша революція даетъ нѣсколько очень выразительныхъ примѣровъ того, насколько различные результаты примѣненія однихъ и тѣхъ же методовъ, смотря по тому, какая общественная группа пользуется ими. Рабочіе ходили къ Зимнему Дворцу (9 января), земцы—въ Петергофъ (6 іюня). Методъ одинъ и тотъ же, но какъ различенъ результатъ! Представители либеральной оппозиціи не разъ входили въ правительственныя комиссіи, напр., въ комиссію Кобеко; въ февралѣ прошлаго года рабочіе послали своихъ представителей въ комиссію Шидловскаго; учрежденія сходны, но какъ не сходны результаты! Тоже самое и съ Государственной Думой.

Булыгинская избирательная система совершенно исключала рабочихъ; лозунгъ бойкота для нихъ не имѣлъ практическаго значенія; это былъ просто крикъ протеста противъ системы, которая осмѣливалась игнорировать пролетаріатъ. Что касается крестьянства, то рабочіе такъ же мало могли въ то время удержать его отъ участія въ выборахъ, какъ и оказать на него вліяніе во время избирательной кампаніи. О землевладѣльцахъ и домовладѣльцахъ нечего и говорить. Остается небольшая группа болѣе обеспеченной демократической интеллигенціи, которая, въ качествѣ квартиранимателей, пользовалась кое-какими избирательными правами. О самостоятельномъ представительствѣ она не могла и думать. Булыгинскій цензъ въ томъ историческомъ положеніи, въ какомъ онъ ее застигъ, ставилъ ее предъ диллемой: либо поддержать своими немногочисленными голосами земскую оппозицію, либо оставаться на улицѣ вмѣстѣ съ пролетаріатомъ. Въ „Союзѣ Союзовъ“, объединявшемъ эти элементы демократіи, происходила борьба между либеральными оппортунистами, вродѣ пр. Милюкова, которые стремились, какъ стремятся теперь, превратить демократическую интеллигенцію въ охвостье цензоваго либерализма, и между радикалами, которые настаивали — правда, довольно безпредметно — на революціонной тактикѣ. Своимъ лозунгомъ бойкота рабочіе поддерживали радикаловъ противъ либеральныхъ оппортунистовъ и, такимъ образомъ, толкали впередъ политическую дифференціацію. Такъ или иначе — тактика бойкота булыгинской Думы оказалась исторически оправданной.

Мы считаемъ далѣе, что даже и то ограниченное участіе, какое Партія приняла въ выборахъ и въ работѣ разогнанной Думы, имѣло несомнѣнное положительное значеніе. Еслибъ

правительство увидѣло себя вынужденнымъ назначить новые выборы по той же системѣ, социалдемократія, несомнѣнно, должна была бы со всей энергіей принять въ нихъ участіе. Выборы создаютъ организацію массъ, а разъ созданная организація годна не только для выборовъ.

Но будутъ ли или не будутъ правительствомъ назначены новые выборы, и, если будутъ, то когда и на какихъ началахъ, объ этомъ пусть гадаютъ либерализмъ. Газеты конституціонно-демократической партіи настойчиво доказываютъ, что одна статья „основныхъ законовъ“ требуетъ назначенія новыхъ выборовъ, а другая — не позволяетъ правительству мѣнять избирательное право. Всѣ эти соображенія совершенно безукоризненны сами по себѣ и очень убѣдительны для кадетовъ, — но какое значеніе могутъ они имѣть предъ лицомъ сѣдлецкой конституціонности министерства висѣлицъ?

Если либеральная партія не хотѣла за конституціонными формами видѣть неизбежнаго конфликта силъ; если часть „крайнихъ“ недооцѣнила возможнаго революціоннаго значенія конституціонныхъ или лже-конституціонныхъ формъ, то 9-го іюля абсолютизмъ во всякомъ случаѣ сорвалъ съ революціи ея парламентарное облаченіе. Если будетъ созвана новая Государственная Дума, то не ради правомѣрной конституціонной преемственности, но лишь въ силу реальной комбинаціи, созданной давленіемъ фактовъ и отношеній. Если тѣмъ не менѣе, либерализмъ держится за основные законы 20 февраля, такъ это, прежде всего, потому, что онъ и теперь, какъ прежде, хочетъ скрыть отъ себя коренныя задачи борьбы. У социалдемократіи нѣтъ никакихъ основаній потакать въ этомъ отношеніи либерализму. Его лозунгу Государственной Думы она должна противопоставить свой лозунгъ Учредительнаго Собранія. Въ распоряженіи социалдемократіи нѣтъ никакихъ особыхъ экономныхъ методовъ или малокалиберныхъ средствъ борьбы, которыя могли бы дать Государственную Думу и оказались бы недостаточными для завоеванія Учредительнаго Собранія. Нашъ методъ одинъ: революціонная организація массъ. Если въ процессъ борьбы абсолютизмъ окажется вынужденнымъ созвать Думу, мы вступимъ въ нее; если абсолютизмъ сумѣетъ не созывать Думы, то и революція сумѣетъ безъ нея обойтись. Мы себѣ не связываемъ рукъ... Какъ безнадежны, въ самомъ дѣлѣ, были бы шансы народа въ борьбѣ за свободу, еслибъ они зависѣли отъ доброй воли министерства висѣлицъ!

Статья о господинѣ Петрѣ Струве подвергаетъ разбору главнѣйшія возраженія и обвиненія, которыя дѣлались либе-

ральными политиками противъ революціонной тактики вообще и тактики социалдемократіи въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ въ частности. Потому ли, что наши соображенія показались либеральнымъ публицистамъ наглядно несостоятельными или по инымъ причинамъ, но только брошюра о Струве не встрѣтила, насколько намъ извѣстно, ни одного слова либеральной критики. Это могло бы насъ, разумѣется, совершенно обезкуражить, еслибъ наиболѣе объективная изъ всѣхъ критикъ, критика событій, не высказалась всецѣло за насъ.

Г. Петръ Струве именемъ своей партіи увѣрялъ насъ, что стоитъ только собраться Думѣ, — и она „сниметъ бюрократію съ легкостью, которая всѣхъ поразитъ“.

Мы отвѣчали ему, что стоитъ возникнуть серьезному конфликту между правительствомъ и Думой, — и бюрократія сниметъ Думу съ легкостью, которая насъ совершенно не поразитъ.

Г. Струве вмѣстѣ со своей партіей училъ насъ, что отнынѣ задача сводится къ тому, чтобы локализовать революцію въ четырехъ стѣнахъ Думы.

Мы отвѣчали ему, что единственное спасеніе Думы въ томъ, чтобы революція разлилась по всему лицу страны.

Теперь, послѣ всего того, что произошло, неловко настаивать на политической близорукости либерализма. Вожди кадетской Партіи, подписавшіеся подъ выборгскимъ воззваніемъ, тѣмъ самымъ, казалось, признали всю иллюзорность методовъ мнимаго конституціонализма; обращаясь къ націи съ призывомъ, который, въ случаѣ успѣха, долженъ былъ вызвать всенародную революцію, они тѣмъ самымъ, казалось, отказывались отъ дѣтскихъ надеждъ превратить борьбу народа съ реакціей въ перепалку депутатовъ съ министрами. Но это только казалось. Лидеры кадетской партіи съ г. Милоковымъ во главѣ бьютъ теперь отбой. Они доказываютъ, что выборгскій актъ вовсе не былъ актомъ революціоннымъ; что онъ имѣлъ въ виду лишь пассивное сопротивленіе, мирное конституціонное упорство плательщиковъ налоговъ — по англійскому образцу; что недостатокъ выдержки и политической культуры въ населеніи не привелъ это конституціонное предпріятіе къ успѣху.

Трудно сказать, чего здѣсь больше: слѣпоты или лицемерія.

Пассивное сопротивленіе „по англійскому образцу“ предполагаетъ, что въ странѣ уже существуетъ парламентарный режимъ; что суды независимы и стоятъ на стражѣ интересовъ народа; что заговоръ монархіи не можетъ опереться на достаточную силу штыковъ. Но въ странѣ, гдѣ, съ одной

стороны, стоитъ революціонная нація, съ другой—вооруженный деспотизмъ, массовый отказъ отъ уплаты налоговъ можетъ повести лишь къ рѣшительному столкновенію обѣихъ сторонъ.

Въ 1862 г. Лассаль съ замѣчательной ясностью доказывалъ это прусскимъ либераламъ въ своемъ рефератѣ „Was nun“? Это произведеніе вмѣстѣ съ другой замѣчательной работой Лассалья „О сущности конституціи“ имѣется въ нѣсколькихъ русскихъ изданіяхъ. Мы настоятельно рекомендуемъ эту брошюру всѣмъ членамъ Центральнаго Комитета партіи „народной свободы“, которымъ не удалось организовать законное сопротивленіе „по англійскому образцу“.

Здѣсь же мы позволимъ себѣ привести изъ другой, болѣе ранней рѣчи Лассалья политическую и психологическую характеристику тактики „пассивнаго сопротивленія“.

„Пассивное сопротивленіе, господа,—говорилъ Лассаль по поводу призыва разогнаннаго прусскаго національнаго собранія—въ этомъ мы должны согласиться съ нашими врагами, пассивное сопротивленіе было, во всякомъ случаѣ, преступленіемъ. Одно изъ двухъ! Либо корона, совершая свои дѣянія, была въ своемъ правѣ—и тогда національное собраніе, противопоставшее законнымъ правамъ короны и бросившее въ страну сѣмя раздора, было, во всякомъ случаѣ, шайкой бунтовщиковъ и крамольниковъ; либо же дѣянія короны были незаконнымъ насиліемъ—тогда народную свободу слѣдовало защищать активно, кровью и жизнью, тогда національное собраніе должно было громко призвать страну къ оружію! Тогда, значитъ, это удивительное изобрѣтеніе пассивнаго сопротивленія было со стороны собранія трусливой измѣной народу, измѣной долгу охранять народныя права.

„Если и я, на что сегодня неоднократно обращалось ваше вниманіе, во всѣхъ своихъ рѣчахъ призывалъ дожидаться призыва національнаго собранія и братья за оружіе только по этому призыву, то это происходило не изъ юридическаго соображенія, будто только изъ призыва національнаго собранія почерпнемъ мы надлежащее право. Право стояло на нашей сторонѣ—съ поддержкой и безъ поддержки національнаго собранія. Мною руководило тогда практическое соображеніе. Борьба могла имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы страна поднялась во всѣхъ пунктахъ; а такого единодушія, такой одновременности возстанія можно было ожидать лишь въ томъ случаѣ, если бы призывъ ко всей странѣ исходилъ отъ національнаго собранія.

„Пассивное сопротивленіе, національнаго собранія, я повторяю это, было предательствомъ, и въ то же время оно

было однимъ изъ самыхъ абсурдныхъ изобрѣтеній, которыя когда либо видѣлъ свѣтъ; оно обезпечиваетъ за своими изобрѣтателями на вѣчныя времена наслѣдіе неумолчнаго смѣха, который исторія свяжетъ съ ихъ именами.

„Какимъ, въ самомъ дѣлѣ, презрительнымъ хохотомъ заклеяли бы великій народъ и вычеркнули бы его изъ списка народовъ, если бъ онъ, подвергшись нападенію чужеземнаго завоевателя, вмѣсто того, чтобъ сдѣлать хотя бы только попытку защитить свою свободу съ оружіемъ въ рукахъ, нашелъ бы удовлетвореніе въ томъ, чтобы противопоставить завоевателю голую юридическую фразу, торжественный протестъ, пассивное сопротивленіе?“

„Но трижды ненавистнѣе, чѣмъ внѣшній врагъ, врагъ внутренній, который топчетъ свободу страны, трижды большаго проклятія, чѣмъ чужеземный государь, заслуживаетъ собственный государь, который возстаётъ противъ законовъ собственной страны. И трижды сильнѣе для народа позоръ стать добычей одного человѣка, чѣмъ поддаться чужой великой націи!“

„Отдѣльное лицо, господа, когда надъ нимъ производитъ насиліе государство, масса — я, напримѣръ, если бъ я былъ осужденъ вами—можетъ съ честью оказать пассивное сопротивленіе; я могу вернуться въ свое право и протестовать, такъ какъ у меня нѣтъ силы реализовать мое право. Но подобно тому, какъ понятіе бога не мыслится безъ опредѣленія всемогущества, такъ и въ понятіи великаго народа скрывается мысль, что его сила должна соотвѣтствовать его праву, что онъ долженъ обладать достаточнымъ могуществомъ для дѣйствительной защиты того, что онъ считаетъ своимъ правомъ.“

„Отдѣльное лицо, выброшенное десяткомъ другихъ за дверь, можетъ протестовать и оправдываться своей слабостью, если оно не сопротивлялось. Но я васъ попрошу представить себѣ печальное зрѣлище великаго народа, который оправдываетъ своей слабостью то, что онъ не попытался защищать свое право!“

„Народъ можетъ быть одоленъ силой, какъ Польша,—но Польша сдалась не раньше, чѣмъ поле битвы напиталось кровью ея благороднѣйшихъ сыновъ, не раньше, чѣмъ была истощена ея послѣдняя сила; она боролась до тѣхъ поръ, пока въ изнеможеніи не испустила послѣдняго вздоха; она не сдалась, она погибла! Лишь когда сломлена послѣдняя сила, лишь тогда можетъ такой народъ, народъ-трупъ, довольствоваться пассивнымъ сопротивленіемъ, т. е. протестомъ во имя права. Съ терпѣніемъ и выдержкой, съ желчью въ

груди, съ сосредоточенной молчаливой ненавистью, ждетъ онъ со скрещенными на груди руками, пока спасительный моментъ не принесетъ избавленія. Такое пассивное сопротивленіе—послѣ того, какъ сломлены всѣ средства активнаго сопротивленія—является высшей формой выжидательнаго героизма! Но пассивное сопротивленіе съ самаго начала, безъ попытки пустить въ дѣло мечъ, безъ обращенія, хотя бы на мигъ, къ живой силѣ, это—высшій позоръ, величайшія глупость и трусость, какія когда либо приписывались народу.

„Пассивное сопротивленіе, господа, это противорѣчіе въ самомъ себѣ, это — всетерпящее сопротивленіе, это — не сопротивляющееся сопротивленіе, это—сопротивленіе, которое не есть сопротивленіе.

„Пассивное сопротивленіе это — голая внутренняя злая воля безъ внѣшнихъ проявленій. Корона конфисковала народную свободу, а національное собраніе декретировало для защиты народа злую волю!

„Было бы непонятно, какъ это самая обыденная логика допустила, чтобъ законодательное собраніе запятнало себя такимъ несравненнымъ смѣхотворнымъ актомъ, вмѣсто того, чтобы лучше ужъ открыто подчиниться приказаніямъ короны,—было бы непонятно, если бъ это не было слишкомъ понятно!

„Пассивное сопротивленіе является продуктомъ слѣдующихъ факторовъ.

„Ясное сознаніе обязанности сопротивляться, какъ требуетъ долгъ, и личная трусость, не желающая сопротивляться съ опасностью для жизни, — эти двѣ силы въ отвратительномъ объѣмѣ произвели въ ночь на 10 ноября чахоточное дитя, немощное творенье пассивнаго сопротивленія.

„Но именно это логическое противорѣчіе въ понятіи пассивнаго сопротивленія имѣло и не могло не имѣть своимъ слѣдствіемъ то, что національное собраніе вовсе не удержалось на линіи пассивнаго сопротивленія; наоборотъ, оно вполне непосредственно провоцировало сопротивленіе активное.

„Ибо рѣшенія законодательнаго корпуса это—не то, что изреченія коллегіи философовъ или юристовъ, имѣющія лишь теоретическое значеніе, формулирующія лишь сужденія или устанавливающія философскія аксіомы. Нѣтъ, это—декреты, долженствующіе имѣть практическое значеніе, притязающіе не только на теоретическую правильность, но и на дѣйствительное выполненіе...

„Разъ національное собраніе постановляетъ: министерство